

Безумие или революция? Томмазо Кампанелла в последний год шестнадцатого столетия

ДМИТРИЙ
ПАНЧЕНКО

1

Конец века сыграл злую шутку с одним из одареннейших людей своего времени. Век, который подходил к концу, был шестнадцатым; человек, о котором идет речь, звался фра Томмазо Кампанелла.

Напомним общеизвестные факты. Кампанелла родился 5 сентября 1568 года в местечке Стили, в Калабрии, и умер 21 мая 1639 года в Париже. Он написал «Город Солнца» – коммунистическую утопию, принесшую ему известность в веках, и десятки сочинений по самым разным отраслям знания: философии природы, богословию, астрологии, медицине, теории литературного творчества. Кампанелла оставил сборник философской поэзии, а также другие стихи на итальянском и латинском языках.

Он был сыном сапожника, не обученного грамоте. Основы образования получил в доминиканском монастыре, куда пришел 14 лет отроду; ему было 25, когда он впервые стал узником инквизиции. Всю свою жизнь он спорил и убеждал; имел

Дмитрий Вадимович Панченко (р. 1956) – историк, специализируется на классической древности, профессор Факультета свободных искусств и наук СПбГУ и НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

CASE STUDY

врагов и приверженцев; узник, приговоренный к пожизненному заключению, давал советы кардиналам и папам, князьям и королям (иногда его слушали!); из неаполитанской тюрьмы он обратился «ко всем краям земли» с призывом соединиться в единой христианской вере и едином христианском государстве – в том числе он написал послания к русскому царю и жителям не открытой еще Австралии.

Ключевые события в его жизни произошли в 1599 году¹. У себя на родине, в Калабрии, Кампанелла готовит возмущение против испанских властей. Замысел грандиозен. Пророчества и знамения указывают на приближение конца света. Но установлено, что прежде, чем наступит день Суда, произойдет великое обновление мира. Из свойств чисел «7» и «9» следует, что оно начнется в $700 + 900 = 1600$ году. Рухнут царства, человечество соединится в мировом государстве с единой верой, люди получат новый закон и обратятся к тому соответствующему природе состоянию, которое предсказывали пророки, описывали философы и под именем Золотого века воспевали поэты. 10 августа властям поступил донос. Последовали массовые аресты. Кампанелла был обвинен как в заговоре, так и в ереси. Лишь симуляция сумасшествия (под пыткой!) спасла его от смертной казни, но тридцать лет без малого Кампанелла провел в тюремном заключении в замках Неаполя. Лишь в 1629 году приходят полное освобождение и реабилитация, однако уже в 1634-м Кампанелла вынужден бежать во Францию. До конца своих дней он живет в эмиграции – впрочем, в лучах славы, под покровительством влиятельных лиц.

А теперь обратимся к тому, о чем специалисты по Кампанелле словно сговорились хранить молчание: восстание в Калабрии возглавлялось, ни много ни мало, *истинным мессией* и грядущим *монархом мира*. Именно так в это время воспринимал и величал себя Томмазо Кампанелла. Это следует из слов его товарищей по заговору. Правда, их утверждения происходят из свидетельских показаний, а потому обратимся к рассмотрению их достоверности².

- ¹ В соответствии с обиходным употреблением именно этот год, а не следующий здесь принят в качестве последнего года шестнадцатого столетия.
- ² Насколько мне известно, это до сих пор не было сделано. Никаких упоминаний о Кампанелле – мессии и монархе – нет в ценных работах Горфункеля (Горфункель А.Х. *Томмазо Кампанелла*. М., 2010; Он же. *Город Солнца и Монархия Мессии. О политической утопии Томмазо Кампанеллы* // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 70–87). В некогда влиятельной книге Фрэнсис Йейтс, в обширной главе, посвященной Кампанелле (Йейтс Ф.А. *Джордано Бруно и герметическая традиция*. М., 2000. С. 316–350), ни слова не говорится о Кампанелле – монархе мира и есть лишь одно невнятное упоминание о мессии. В книге Джерманы Эрнст, ведущего специалиста наших дней по Кампанелле, найдется пара предельно кратких упоминаний о Кампанелле-мессии (ERNST G. *Tommaso Campanella. The Book and the Body of Nature*. Dordrecht, etc., 2010. P. 71, 75) и ничего – о монархе мира. В ее статье для электронной Стэнфордской философской энциклопедии (Идем. *Tommaso Campanella* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<https://plato.stanford.edu/entries/campanella/>)) не упоминается ни мессия, ни монарх мира.

В общем плане здесь многое было сделано в фундаментальном исследовании Луиджи Амабиле, который и ввел в научный оборот материалы судебных процессов над Кампанеллой³. Было, в частности, показано, что большинство высказываний и суждений, приписываемых участниками заговора Кампанелле, находят полное или значительное соответствие в его сочинениях, особенно в «Городе Солнца»⁴.

К этому следует добавить несколько замечаний о характере имеющихся в нашем распоряжении материалов. До нас дошли не только те документы, задачей которых было изобличить вину Кампанеллы: своды компрометирующих его свидетельских показаний, но также и легшие в основу этих сводов протоколы допросов участников заговора, прошедших по делу о ереси. В этих протоколах нет явных признаков ни того, что следствие провоцировало содержание показаний (по крайней мере систематически), ни того, что перед нами тот случай, когда свидетели независимо друг от друга говорят примерно одно и то же под влиянием стереотипных представлений и страха мучительного наказания (как, очевидно, происходило во множестве ведовских процессов). Процесс не замыслился как показательный, протоколы допросов не подлежали обнародованию. Случаи, когда уже в вопросе следствия заключается возможное содержание ответа, весьма редки, причем, как правило, в такой ситуации допрашиваемые либо отрицают, либо лишь частично признают то, что от них хотели бы услышать⁵. Запись показаний сплошь и рядом хранит следы устной речи, намерения Кампанеллы и его товарищей формулируются в положительных понятиях («обрести свободу», «низвергнуть тиранию» и так далее), и это позволяет думать о минимальном редактировании слов свидетелей. Значительная часть показаний принадлежит доминиканским монахам – образованным людям с тренированной памятью; некоторые тесно общались с Кампанеллой, и в ряде случаев они передают его высказывания едва ли не дословно. Так что общим принципом отношения к дошедшим материалам – при всей критической настороженности – может быть своего рода презумпция доверия⁶. Специально же мы рассмотрим показания относительно притязаний

3 АМАБИЛЕ Л. *Fra Tommaso Campanella, la sua congiura, i suoi processi e la sua pazzia. Vol. I–III*. Napoli, 1882.

4 Ibid. Vol. III. P. 609–612.

5 См., например: *Esame di Cesare Pisano* // Ibid. P. 238 s.; *Esame di Geronimo, padre del Campanella* // Ibid. P. 300.

6 Таково отношение к ним абсолютного большинства исследователей. Правда, Джованни Ди Наполи старался поставить под сомнение всю совокупность данных о еретических убеждениях Кампанеллы (DI NAPOLI G. *L'eresia e i processi campanelliani* // *Tommaso Campanella (1568–1639). Miscelanea di studi nel 4 centenario della sua nascita*. Napoli, 1969. P. 171–258). Характерно, однако, что его аргументация строилась на оценках, выраженных в переписке лиц, связанных с проведением процесса; между тем свидетельские показания за одним исключением, не имеющим отношения к Кампанелле, им вообще не рассматривались.

Кампанеллы на роль мессии и монарха мира. Показания эти принадлежат участникам заговора. Я привожу их имена, как если бы речь шла об известных людях – на деле о большинстве из них мы знаем очень мало.

Свидетельства о Кампанелле-мессии

Здесь особое значение имеют показания Чезаре Пизано. Так, во время допроса, состоявшегося 19 октября 1599 года⁷, Пизано, пересказывая свой разговор с Феличе Гальярдо, сообщает следующее:

«Я ему начал говорить о Кампанелле – новом Мессии – и о том, что он хочет дать новый закон, а что тот Христос, которому мы поклоняемся, – ничто и чушь и что Троица, о которой говорят, – ничто, но что есть один Бог, или Дух, который правит всем и приводит в движение небеса; я ему сказал еще, что чудеса Христовы не были истинными, что чудеса, совершенные Христом, описаны его друзьями и родственниками, которые не заслуживают доверия».

«Спрошенный, что он говорил о Христе, и пусть во всем говорит правду, ответил: “Отче, я говорил, что Христос был жалким бедняком без гроша в кармане и что у него ничего не было, кроме двенадцати апостолов, босых и оборванных, но что у Мессии Кампанеллы будет больше людей и больше силы, которой не было у Христа, что он сотворит новые и истинные чудеса”».

«Спрошенный, что он говорил о брате Томмазо Кампанелле... ответил: “Отче, я ему говорил, что Кампанелла – новый Мессия и что он сотворит чудеса, как Христос, и более истинные, и что он будет проповедовать новый закон и свободу, и что у него будет больше последователей, и он завладеет большим числом государств и царств, ибо его сила будет более сплоченной с оружием”»⁸.

Пизано отмечает, что сам он этих взглядов не разделял, но ему казалось, что так легче привлечь Феличе Гальярдо к заговору. А все то, в чем он убеждал Феличе Гальярдо, он слышал от Дионисио Понцио⁹. В более раннем допросе Пизано, 24 сентября 1599 года (перед трибуналом по расследованию заговора), представление о Кампанелле как о «первом человеке мира, истинном законодателе и истинном Мессии» (*primo homo del mondo, et il vero legislatore, et vero messia*) предстает как

⁷ *Esame di Cesare Pisano*. P. 237–243.

⁸ «Io gli dissi che il Campanella era novo Messia et che farebbe miracoli come Cristo et più veri, et che predicarebbe nova legge et libertà, et che haverebbe più stati et regni perchè havera più unita con le arme» (AMAVILE L. *Op. cit.* Vol. III. P. 238 s.).

⁹ В более поздних допросах, сопровождавшихся пыткой, 15-го и 16 января 1600 года (*Due esame e una torture del Pisano* // *Ibid.* P. 248–252), Пизано подтверждает сказанное ранее, но теперь готов признать и некоторое свое сочувствие еретическим утверждениям.

общее мнение Дионисио Понцио, Джузеппе Битонто и Джузеппе Ятриноли¹⁰.

Феличе Гальярдо, со своей стороны, также дает показания о разговоре с Пизано¹¹. По его словам, собеседник развернул перед ним захватывающую панораму того, что должно случиться в результате заговора. Утверждения Гальярдо о планах заговорщиков сплошь и рядом находят подтверждения¹². Между версиями Пизано и Гальярдо о содержании их беседы нет заметных противоречий. В интересующем нас пункте они совпадают: «Брат Томмазо должен был именоваться грядущим Мессией, как его уже именовал сам Чезаре» (*«fra Tomase si havea da chiamare il Messia venturo, come già detto Cesare lo chiamava»*).

Итак, мы располагаем совпадающими показаниями двух свидетелей, Чезаре Пизано и Феличе Гальярдо, из которых следует, что Кампанеллу называли «мессией» Дионисио Понцио, Джузеппе Битонто, Джузеппе Ятриноли и вслед за ними также Пизано.

Вот еще два свидетеля.

«Джузеппе Раньери говорит, что от кого-то получил записку, что Кампанелла хотел добиться того, чтобы его стали звать “Мессией Бога по истине” [*il Messia di Dio della verità*], но эту записку он разорвал»¹³.

«После того, как Кампанелла был посажен в тюрьму, говорили, что он хотел, чтобы его называли истинным Мессией [*il Messia della verità*]» (свидетельство Франческо Мерлино)¹⁴.

Приведенные данные позволяет прийти к убеждению, что представление о Кампанелле – новом мессии не вымышлено следствием, но происходит из среды самих заговорщиков.

Трудно представить, чтобы оно сложилось без участия Кампанеллы. К тому же имеется показание фра Доменико Петроло (свидетеля, заслуживающего доверия), согласно которому Кампанелла утверждал, что «Господь избрал его проповедовать истину и устранить злоупотребления, наличествующие в церкви Божией» (*«Iddio l’havesse proprie eletto a predicare la verità et levare gli abusi che si trovano nella chiesa di Dio»*)¹⁵.

10 *Copia dell’esame del Pisano nel tribunale per la congiura* // Ibid. P. 507–509. Этот документ представляет собой не протокол допроса, а свод данных Пизано показаний.

11 *Riassunto degl’indizii contro il Campanella* // Ibid. P. 139; ср.: *Brani delle ultime dichiarazioni del Gagliardo* // Ibid. P. 590.

12 Например, сообщается о намерении Кампанеллы «изменить язык», а в главе V своей «Грамматики» Кампанелла излагает идею нового, «философского языка» (CAMPANELLA T. *Tutte le opere*. Milano, 1954. P. 712).

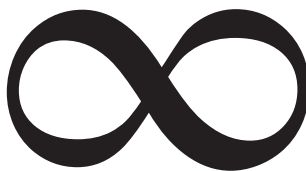
13 «Joseph Ranieri dicit a quibusdam scriptum fuisse quod Campanella volebat se vocari facere il Messia di Dio della verità, sed dictas literas lacerasse» (*Sommario del processo contro il Campanella* // AMABILE L. *Op. cit.* Vol. III. P. 440:); в материалах следствия повествование ведется на латинском языке, а слова допрашиваемых приводятся на итальянском, как они и произносились.

14 *Ripetizione di Fr. Merlino* // Ibid. P. 335.

15 *Esame di fra Domenico Petrolo* // Ibid. P. 212.

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО

БЕЗУМИЕ ИЛИ
РЕВОЛЮЦИЯ?..

Здесь нет слова «мессия», но есть богоизбранность, причем в специальной взаимосвязи с готовностью нести истину, знакомой нам уже по «*il Messia di Dio della verità*».

Весьма выразительны также показания Маурицио ди Ринальдиса, военного руководителя заговора, на допросе 3 февраля 1600 года: «Фра Томмазо сказал мне, что он намерен открыть седьмую печать, о которой говорит Св. Иоанн в *Апокалипсисе*»¹⁶. Маурицио ди Ринальдис – свидетель, в чьей честности не усомнился, кажется, ни один исследователь. Он надежен и в отношении точности. Его сообщения об устройстве жизни в будущем государстве находят явные соответствия в «Городе Солнца». Его утверждение, что Кампанелла называл Христа «хорошим человеком» (тем самым косвенно отрицая его божественность), также перекликается и с «Городом Солнца», и с сонетом Кампанеллы, опубликованным только в наше время¹⁷. Вместе с Доменико Петроло он говорит о намерении Кампанеллы очистить церковь от накопившихся злоупотреблений. Странное сообщение Феличе Гальярдо (со слов Чезаре Пизано) о планах Кампанеллы сжечь все книги получает объяснение из более развернутого сообщения ди Ринальдиса: Кампанелла планировал сжечь все латинские книги, чтобы положить конец надувательству людей, которым эти книги недоступны, и пользоваться лишь книгами на народном языке. Словом, перед нами один из самых надежных свидетелей.

Что же касается самого свидетельства, то, согласно Иоанну (Откр. 5 сл.), открыть печати, коими запечатана некая книга, – дело Агнца, символизирующего Христа. А само снятие печатей (седьмая – последняя) в «Откровении» предстает как своего рода пусковой механизм устрашающих, но в конечном счете благих перемен в судьбе мира и рода людского – «великого обновления», если выразить это на языке Кампанеллы. Человек, заявляющий, что он откроет седьмую печать, воспринимает себя никак не меньше, чем мессией. Другое дело, что это сказано в частном разговоре двух соратников – возможно, в момент особого возбуждения, и трудно судить, насколько подобное самовосприятие могло быть у Кампанеллы устойчивым. Во всяком случае в период подготовки заговора ему хватало веры в себя, чтобы проявлять свойства харизматического лидера, за которым шли люди и о котором говорили, что «его наука не иначе как от демона или от Бога»: столь неотразимой была его способность убеждать в собственной правоте¹⁸.

¹⁶ *Esame di Maurizio de Rinaldis* // Ibid. P. 255.

¹⁷ AMABILE L. *Op. cit.* Vol. III. P. 254; ср.: CAMPANELLA T. *Tutte le opere*. P. 238 s.; IDEM. *La città del sole*. Bari, 1997. P. 9; Кампанелла Т. *Город Солнца*. М., 1954. С. 43 (латинская редакция – а именно ее воспроизводит русский перевод – здесь отходит от первоначальной).

¹⁸ *Esame di Maurizio de Rinaldis*. P. 255.

Косвенное указание на то, что Кампанелла в пору заговора воспринимал себя как мессию, можно извлечь и из написанной им во время процесса о ереси «Защиты». Кампанелле трудно было отрицать показания столь многих свидетелей – показания, которые, как он знал, в значительной мере соответствовали истине. Он многое признает: ожидание великого обновления, и в частности образования мирового государства, свою проповедь, свои приуготовления в горной Калабрии – в том числе вооруженные. Но все это толкуется им как действия, направленные на благо папе и Римской католической церкви. Его изложение строится главным образом на особой интерпретации фактов, а не на отрицании их. Поэтому оно зачастую отражает привычный ход мысли Кампанеллы, причем легко заметить, что автор, бывает, увлекается и начинает говорить рискованные вещи, совсем не обязательные в документе, предназначенном переломить мнение судей. И вот, убеждая их в том, что все действия, предпринятые им, были на благо церкви и испанского короля, Кампанелла, в частности, замечает:

«Ведь это путь обратить в веру иудеев, которые не признают Мессию, ибо не увидели такой славы в Христе [*nam haec est via convocandi hebreos ad fidem; qui negant Messiam propterea quod talem gloriam in Christo non viderunt*], и турок, которые представляют рай, наподобие этого государства¹⁹, а также способ соединения правителей для учреждения единого царства»²⁰.

Не подразумевает ли сказанное, что для осуществления великого обетования – соединения человечества в одно целое – нужен новый мессия?!

Свидетельства о Кампанелле – монархе мира

Брат Кампанеллы, фра Пьетро, на допросе 16 августа 1599 года заявил следующее:

«Спрошенный, слышал ли он сам, как Кампанелла звался соучастниками именами пророка, мессии или монарха, ответил: “Мне никогда не доводилось слышать, чтобы его звали мессией или пророком, а что касается “монарха”, то однажды, беседуя со мной в присутствии Джованни Грегорио Презиначе в своей комнате, он сказал мне, что все прочие люди, которые из ничего достигли в чем-либо высокого положения или власти, имели лишь три восходящие планеты благоприятными, но что у него их семь и что поэтому он ожидает монархию над миром [*aspettava la Monarchia del mondo*], как ему

19 То есть идеального государства, замысленного Кампанеллой.

20 *Le difese...* // AMABILE L. *Op. cit.* Vol. III. P. 482.

еще было сказано неким выдающимся астрологом из немецких земель, когда он находился в инквизиции”»²¹.

В словах фра Пьетро имеется деталь, подтверждающая их достоверность. Это рассуждение Кампанеллы о людях, которые из ничего достигли высоты и власти («*homini che da niente erano venuti a qualche dignità o imperio*»). Уже упоминавшийся выше военный предводитель заговора Маурицио ди Ринальдис рассказывая о том, как Кампанелла склонял его к участию в предприятии, в частности сообщает, что тот стал «приводить примеры людей, которые из ничего стали великими» («*homini, che da nienti erano diventati grandi*»)²².

Слова брата Кампанеллы подтверждаются и с другой стороны. В протоколе допроса фра Агостино Кавалло от 17–18 мая 1600 года зафиксированы показания «по поводу сношений Кампанеллы с иудеем Авраамом»: «в этих местах открыто говорилось, что Авраам... предсказал Кампанелле, что он должен стать монархом мира [*Monarcha del mondo*]»²³.

Наконец, согласно показаниям Джованни Томмазо Качча, «фра Томмазо в своей келье сообщил ему о заговоре, и о приготовлениях, и о том, что он намерен стать монархом мира [*monarcha del mondo*] и дать новый закон»²⁴. Отметим, что все прочие сообщения этого свидетеля о заговоре и роли в нем Кампанеллы подтверждаются другими свидетельствами и сочинениями Кампанеллы (поднять восстание, освободиться от гнета испанского короля и его чиновников, сделать Калабрию «республикой», использовать турецкую помощь, что наступают время великого обновления, о чем Кампанелла заключил на основании «науки, астрологии и пророчеств»).

Прибавим, что тот самый Пизано, который рассказывал Гальярдо о новом мессии, заверял его также в том, что «Кампанелла завоюет мир и вещи мира разделятся между его последователями»²⁵. Об ожидании Кампанеллы овладеть Неаполитанским вице-королевством «и далее шаг за шагом другими землями» свидетельствовал фра Сильвестро Лауриана²⁶.

21 *Esame di fra Pietro Prestèra di Stilo* // Ibid. P. 229–230. На другом допросе фра Пьетро говорит, что он дважды слышал от Кампанеллы, что тот должен стать монархом (АМАВИЛЕ L. *Op. cit.* Vol. III. P. 265).

22 *Riassunto degl'indizii...* // Ibid. P. 141.

23 *Denuncia ed esame di fra Agostino Cavallo* // Ibid. P. 282; ср.: *Sommario del processo contro il Campanella*. P. 442.

24 *Riassunto degl'indizii...* P. 140.

25 *Esame di Cesare Pisano*. P. 241.

26 *Esame di fra Silvestro di Lauriana* // Ibid. P. 210. Габриэль Нодэ – человек, хорошо знавший Кампанеллу, – подтверждает по крайней мере первую часть утверждения фра Сильвестро: «Флорентийцы не были тупы, тем не менее поверили брату Джироламо Савонароле, что он говорит по божественному вдохновению. Не прошло шестидесяти лет, как Гийом Постель хотел сделать то же во Франции, а еще немного спустя – Кампанелла в горной Калабрии... Но у них не было силы в руках, а это условие, как говорит Макиавелли, необходимое для всякого, кто хочет ввести какую-либо новую религию... Когда Кампанелла намеревался сделаться королем горной Калабрии, он весьма кстати выбрал себе в сподвижники для своей затеи брата

Мы только что видели также, что в своей «Защите» Кампанелла преподносит возглавленное им движение как «способ соединения правителей для учреждения единого царства». Но если речь шла об образовании мирового государства, то вряд ли Кампанелла не думал о том, кто встанет во главе его.

Насколько прочной в его сознании была ассоциация двух идей – нового мессии и мировой монархии, – следует из сочинения, написанного им в 1605 году (одна из дат, с которой он связывал «великое обновление»). Оно называется «Монархия Мессии». Заметим: представление о мессии отнюдь не обязательно влечет за собой идею мировой монархии. Когда мы слышим о тысячелетнем царстве Христове (а Христос – мессия), то это царство «не от мира сего», оно вселенское, связанное с воскрешением праведников (Откр. 20: 1–6).

2

Надо сказать, что по крайней мере один ученый все-таки проявил немалый интерес к сообщениям о Кампанелле – монархе мира. Это был некогда знаменитый Чезаре Ломброзо. После многочисленных изданий своей книги «Гений и помешательство», а также других трудов, включая «Преступного человека», Ломброзо выпустил в свет обширное сочинение под названием «Гениальный человек в отношении психиатрии, истории и эстетики» (1888). В нем он несколько страниц уделил Кампанелле²⁷. Рассмотрев основные факты биографии Кампанеллы, некоторые его идеи и их восприятие, Ломброзо не колеблясь ставит своему герою диагноз:

«Коль скоро человек, способный к столь глубоким рассуждениям, не сознает абсурдности и невозможности затеи сделаться – выступив с немногочисленными последователями в небольшой, где-то затерявшейся стране – монархом и преобразователем всего мира, то такой человек может быть лишь безумцем»²⁸.

Свой вердикт Ломброзо подкрепляет парой отзывов о Кампанелле времен пребывания того в Париже. Таким мелочам, что в этих отзывах речь идет скорее о наивности Кампанеллы, нежели о его безумии, Ломброзо не придает значения – ведь суть дела столь очевидна!

Дионисио Понцио, снискавшего репутацию человека, в отношении дара красноречия и убеждения превосходящего всех современников» (NAUDÉ G. *Considérations politique sur les coups d'Etat*. Paris, 1667. P. 249, 263). При этом совершенно ясно, что Кампанелла не намеревался стать каким-то князьком в горной Калабрии, да и удерживать там власть без глобальных перемен должно было представляться малореальным.

²⁷ LOMBROSO C. *L'uomo di genio in rapporto alla psichiatria, alla storia ed all'estetica*. Torino, 1894. P. 434–441.

²⁸ Ibid. P. 439.

Яркие страницы, посвященные Кампанелле в «Гениальном человеке», не произвели впечатления на специалистов. Они были слишком хорошо знакомы с Кампанеллой, чтобы поверить в его безумие, но, по-видимому, не нашли, что возразить. Повторю, что свидетельства, на которые опирается Ломброзо (он, разумеется, не входит в их подробное рассмотрение), среди специалистов принято замалчивать. Они неудобны, не понятно, что с ними делать. Но попробуем все-таки разобраться.

Принципиальную достоверность свидетельств о Кампанелле – грядущем мессии и монархе мира мы, я думаю, установили. Теперь следует показать, что линия интерпретации, предложенная Ломброзо, является бесперспективной. Конечно, в переносном смысле план Кампанеллы можно назвать «безумным». Не имея соответствующей квалификации, я даже не берусь утверждать, что Кампанелла не должен интересовать специалистов по человеческой психике. Тем не менее я убежден, что феномен Кампанеллы не психиатрический, а историко-психологический, что он – по ведомству рассмотрения психологии данного человека в определенных биографических и историко-культурных обстоятельствах.

Люди, выступающие с броскими, но малоправдоподобными концепциями, имеют счастливую способность аккумулировать и организовывать в стройное изложение одни факты, не принимая в расчет других. Ломброзо привлек язвительные замечания двух французов, которые в какой-то степени могут подтверждать представление о не вполне адекватной ориентации Кампанеллы в сфере некоторых жизненных реалий. Но подобное свойство обнаруживают множество людей в самых разных жизненных обстоятельствах. Для человека, который провел тридцать лет жизни в тюрьмах и которому теперь под 70, для эмигранта, занятого публикацией своих трудов, это, можно сказать, нормально. А вот о чем Ломброзо не сказал ни единого слова: ни товарищи Кампанеллы по заговору, ни те, кто обвинял его в мятеже и ереси, не считали его сумасшедшим. Когда Кампанелла, борясь за свою жизнь, не желая подчиняться обстоятельствам, стал сознательно симулировать безумие, он поджег в камере топчан и пустился в бессвязное бормотание. Обвинители ему не поверили, но вынуждены были отступить, когда многочасовая пытка не вырвала у обвиняемого признания. На протяжении своей жизни Кампанелла не раз вспоминал этот эпизод с законной гордостью и видел в нем замечательное доказательство свободы воли.

Характерно также, что Ломброзо не упоминает о Кампанелле-мессии. Здесь ему пришлось бы столкнуться с тонкими материями, поскольку идея о мессии была глубоко укоренена в определенной историко-культурной традиции. Кампанелла

был человеком выдающихся способностей, и он принадлежал к эпохе и среде, которым эта традиция была отнюдь не чужда. Ломброзо, по-видимому, не решился использовать притязаний Кампанеллы на роль мессии как доказательства его безумия. Между тем с точки зрения осуществимости упований – сильно ли отличается человек, воспринимающий себя как истинного мессию и законодателя всего человечества, от человека, воспринимающего себя как грядущего управителя мира?

Приблизительно за поколение до рождения Кампанеллы по Европе прокатилась мощная волна движения анабаптистов. Здесь было и ожидание коренных перемен в мире в ближайшее время; и представление о необходимости активных действий, направленных на приготовление к великому обновлению; и чувство богоизбранности у некоторых из вождей движения, и идеал общественного устройства на коммунистических началах. Кампанелла обо всем этом знал, и его деятельность в последний год шестнадцатого столетия может и должна рассматриваться в широких рамках этого движения. В таком качестве мятежного монаха и философа ярко описал Альфред Дорен²⁹. Стержнем жизни и учения Кампанеллы, согласно Дорену, является его хилиастическое сознание – представление о скором наступлении земного рая в соединении с чувством собственного посланничества. Этому Кампанелла остается верен при всех переменах, тогда как пути к цели воспринимаются им как относительно второстепенные. Многие действия Кампанеллы, и прежде всего заговор в Калабрии, невозможно объяснить без учета «*Ekstatischenpsychologie und pathologie*», характерных для профетизма всех времен.

Однако Дорен раскрыл только одну треть фигуры Кампанеллы. В стороне остались рационалист-натурфилософ и автор литературной утопии. Между тем общественное устройство Города Солнца ничем не обязано «экстатической патологии», хилиазм не объясняет настойчивых занятий философией природы. Более того, хилиасты XVI века были все-таки христианами. А вождь заговора в Калабрии? Послушаем, что сообщают его товарищи:

«Еще он говорил, что чудеса Христовы не были истинными, как и не истинно написанное о Христе, что его смерти сопутствовало солнечное затмение, явившееся чудом и наблюдавшееся во всем мире, – на деле оно было естественной природы и наблюдалось на ограниченной территории. Еще он говорил, что чудеса Христовы не были истинными, но рассказанными его же апостолами, а когда я сказал, что невозможно отрицать, что чудо с Лазарем было чудом,

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО

БЕЗУМИЕ ИЛИ
РЕВОЛЮЦИЯ?..

29 DOREN A. *Campanella als Chiliast und Utopist* // *Kultur- und Universalgeschichte. Festschrift für W. Goetz*. Leipzig; Berlin, 1927. S. 242–259; cp.: IDEM. *Wunschräume und Wunschzeiten* // *Vorträge der Bibliothek Warburg 1924–1925*. Leipzig; Berlin, 1927. S. 158–205.

он ответил мне, что Лазарь, будучи другом Христа, притворился мертвым и точно так же разыграл свое воскрешение на глазах у друзей Христа, которые потом это чудо описали. Еще он говорил, что он намерен и может совершить чудеса и что он их совершит, когда начнет проповедовать свое учение, чтобы подкрепить его»³⁰.

Это фрагмент из показаний Петроло, и те же самые взгляды Пизано проповедовал перед Гальярдо. Там совпадают и другие пункты: отрицание рая и ада, объяснение представления о них как о сознательной выдумке с целью держать людей в страхе; власть папы, самозваная и тираническая. Единственно, Пизано в качестве источника этих взглядов называет Дионисио Понцио, «правую руку» Кампанеллы, а Петроло – самого Кампанеллу.

В глазах Кампанеллы, Христос – «хороший человек», один из великих «законодателей» мира. Такими были также Моисей, Пифагор и Магомет. Таким мыслит себя и Кампанелла – только выше всех названных.

Но как быть с приписываемым ему заверением о способности совершать чудеса? Его надо принять. Это следует, в частности, из того, что в своей «Метафизике» Кампанелла с энтузиазмом говорит о чудесах, совершенных неопифагорейским философом Аполлоном Тианским, как о доказательстве божественности человеческой души³¹. Рационалистическая критика и магия уживаются в сознании, нацеленном на преобразование мира.

Чтобы лучше представить взгляды Кампанеллы на ход человеческих дел, рассмотрим выразительный пассаж из «Города Солнца».

«О, если бы ты знал, что они говорят на основании астрологии, а также пророков – наших, евреев и других народов – об этой нашей эпохе, в которой истории за сто лет больше, чем было в мире за четыре тысячи, а книг за эти сто лет появилось больше, чем за пять тысяч; что говорят они о поразительных изобретениях магнитной стрелки, книгопечатания и аркебузов – великих знаков единения мира, и о том, как при нахождении абсиды Меркурия в четвертом треугольнике во время великих синодов в созвездии Рака были совершены эти открытия благодаря Луне и Марсу, которые в этом знаке благоприятствуют новым плаваниям, новым царствам и новым вооружениям. Но, как только абсида Сатурна пройдет по Козерогу, абсида Меркурия – по Стрельцу и абсида Марса – по Деве и как только великие синоды после появления новой звезды в Кассиопее

30 *Esame di fra Domenico Petrollo*. P. 213.

31 CAMPANELLA T. *Philosophia universalis seu Metaphysica*. Parisiis, 1638. P. 132 (Pars III. Lib. XV. Cap. 2. Art. 1). Этот отрывок доступен и по-русски: КАМПАНЕЛЛА Т. *О прекрасном. О превосходстве человека над животными и о божественности его души // Эстетика Ренессанса*. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 413–427, особ. 424.

переместятся в первый треугольник – тогда будет новая великая монархия, и преобразование законов и искусств, и пророки, и обновление. И они говорят, что это принесет большую пользу христианам; однако сначала происходит разрушение и искоренение, а потом уже – созидание и насаждение»³².

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО

БЕЗУМИЕ ИЛИ
РЕВОЛЮЦИЯ?..

Итак, людские дела, судьбы мира разворачиваются в трех планах.

Во-первых, существует план человеческой самостоятельности и активности: людьми осуществляются поразительные изобретения, меняющие жизнь даже в мировом масштабе.

Во-вторых, существует план провидения, в рамках которого замечательные человеческие открытия предстают лишь знаками, а именно: знаками предустановленного соединения человечества в одно целое (*«gran segni dell'unione del mondo»*). Как не устает повторять Кампанелла – *«erit unum ovile et unus pastor»* («и будет одно стадо, один Пастырь» – Иоанн 10:16)³³.

Наконец, существует план зависимости человеческих дел от движения и взаиморасположения светил.

В этом парадоксальном на первый взгляд соединении телеологии, всеобщего естественного детерминизма и индивидуальной активности проявляется точка зрения, характерная для революционера, – человека, жаждущего коренных перемен, заключающего об их скором наступлении на основании ряда конкретных признаков и стремящегося лично в этих переменках участвовать.

Чтобы вернее убедить себя и других в осуществимости великого обновления, Кампанелла опирается на многовековую традицию ожидания тысячелетнего царства Христова на земле – ожидания, самым веским основанием для которого выступали пророческие откровения боговдохновенных людей. В отличие от Маркса, Кампанелла еще не открыл «законов истории» и вынужден вписываться в хилиастическую традицию. Но этот хилиаст не выступает истинным истолкователем общепринятой религии – он создает новую; этот хилиаст ожидает наступления нового Царства, устроенного на принципах его собственной социальной и политической философии, которое осуществится в соответствии с подготовленным им

32 CAMPANELLA T. *La città del sole*. P. 54 s.; КАМПАНЕЛЛА Т. *Город Солнца*. С. 119–120. В переводе по возможности сохранены особенности писательской манеры Кампанеллы, которые Роланд Краз удачно характеризует как энергичную аккумуляцию, мало заботящуюся о формальном сцеплении (CRANAY R. *Pratique du latin et théorie du langage chez Campanella* // *Acta conventus neo-latini Iovaniensis*. Leuven; München, 1973. P. 171–189, особ. 171).

33 См., например, сочинение Кампанеллы «О церковном правлении, чтобы было одно стадо и один пастырь» (*«Discorsi universali del governo ecclesiastico per far una gregge e un pastore»*). Показательно название первой главы: «О всемирной монархии, что будет одно стадо и один пастырь и счастливая жизнь на земле» (*«Proemio e compendio della monarchia universal, che sarà una gregge e un pastore con felice vita in terra»*).

планом действий. Будет ли ошибкой сказать, что Кампанелла – первый в мировой истории *революционер*?³⁴

3

Но как вся-таки могло случиться, что Кампанелла стал мыслить себя главой грядущей мировой монархии?

Часть ответа на этот вопрос проста. Кампанелла выступил реформатором, законодателем, мессией не только христианского, но и всего вообще мира. И дело тут не только в безграничности его личных амбиций, но и в определенной исторической ситуации. Раскол в христианском мире, последовавший вслед за выступлением Лютера (1517), облегчил взгляд на христианство как на исторический феномен – одну из религий наряду с иудаизмом, исламом и другими. Кампанелле это было сделать тем легче, что он не разделял ряда постулатов реформированной церкви, а католическая церковь его год за годом преследовала. Рядом с расколотой христианской Европой выросло величественное здание мусульманской Османской империи. Кого-то это пугало, а кто-то, как французский король, готов был вступить с ней в союз против общего врага – испанского короля. Престиж религии Магомета был достаточно высок. В южной Италии, веками служившей перекрестком религий и цивилизаций, нетрудно было встретить и знатоков иудаизма, при том что пророки Ветхого Завета были близки по духу бунтующему доминиканскому монаху.

Натурфилософ и критик, человек феноменальной начитанности с универсальным кругозором, Кампанелла взялся за разработку универсальной, «естественной» религии и истинных правил общественной жизни. Его притязания не выглядели совершенно безосновательными. Одаренность и знания Кампанеллы производили почти на всех, кого он встречал, сильное впечатление. И если его сочинения обычно не доходили до печатного станка, не становились предметом широкой профессиональной полемики и тем самым оказывались вне критики, то это лишь могло укрепить Кампанеллу в высокой

34 Философия истории Маркса, разумеется, являет собой произведение оригинального и блестящего ума. Но притязание марксизма на открытие законов истории – такая же химера, как убежденность Кампанеллы в том, что великое обновление обусловлено числами и движением небесных тел. Как заметил еще Достоевский (до которого каким-то путем дошел принцип неполноты индукции Юма): как же можно знать законы истории до окончания истории? Вместе с тем, если Кампанелла, похоже, был первым революционером, исходившим из собственных представлений о мироустройстве, то он все же не был первым человеком, кто увязывал фундаментальные свойства природы с существенными политическими переменами: с такого рода идеями около 300 года до нашей эры выступил Цзоу Янь, причем он нашел последователя в лице Цинь Шихуанди – первого китайского императора (см.: Панченко Д.В. *На восточном склоне Олимпа: роль греческих идей в формировании китайской космологии*. СПб., 2016. С. 254).

самооценке. Лучшему философу Италии и Европы, каким мог себя мыслить Кампанелла³⁵, было по чину претендовать на роль учителя человечества. Пример же Лютера показывал, как простой человек может стать законодателем половины Европы, а уж куда Лютеру, мог считать Кампанелла, по своим знаниям и способностям тягаться с ним!

Реальное положение нашего философа и богослова, однако, не соответствовало его представлению о том, какое место он мог бы по праву занимать. Он не был лишен почитателей и покровителей, но его не печатали, а время от времени он оказывался узником инквизиционных тюрем. Его антагонизм с действительностью в сочетании с происхождением из социальных низов содействовал его открытости мировоззрению тех групп, чья социальная ситуация не располагала смотреть на мир аналитически, как состоящий из отдельных элементов, которые нужно усовершенствовать, чтобы обеспечить себе приемлемое место, но толкала желать полного его краха – конца света³⁶. Его представление о своем великом предназначении соединилось с идейной традицией хилиастов и недавних анабаптистов, в поле зрения которой, коль скоро речь шла о конце света, находился весь мир.

При этом живой интерес к окружающему молодого еще человека миру, уверенность в отношении собственных интеллектуальных способностей и возможностей, опыт оратора и собеседника, на которого столь многие смотрят снизу вверх, – все это располагало думать о потрясениях, связанных с представлением о конце света, не как о мрачном финале, справедливом воздаянии порочному, близорукому человечеству, но видеть в них скорее предварительную фазу великого обновления, в котором ему, Кампанелле, предстоит сыграть выдающуюся роль.

Революция, которой великий законодатель и мессия жаждал и в которую он верил, представала осуществимой лишь в мировом масштабе – ведь что это за революция, при которой за ним последует лишь какая-нибудь сотня–другая людей? И как сможет выжить идеальное государство, основанное в Калабрии, без перемен в окружающем мире? Вопрос о политическом устройстве нового миропорядка напрашивался сам собой.

Кампанеллу нельзя назвать властолюбцем в обычном смысле. Но для его сознания в высшей степени характерна уста-

35 О том, как себя воспринимал Кампанелла за год до заговора, свидетельствует один из вариантов заглавия его философского сочинения: «Школа извечного разума, учрежденная братом Томмазо Кампанеллой, рабом Божиим и единственным наставником этой школы» (CAMPANELLA T. *Epilogo mango (fisiologia italiana)*. Roma, 1939. P. 181).

36 Ср.: МАНННЕИМ К. *Ideologie und Utopie*. Bonn, 1930. S. 191 ff. К тому же в Калабрии, где простой народ оказался двойной добычей местных баронов и испанской администрации, Кампанелла застал всеобщее недовольство (Горфункель А.Х. *Город Солнца и Монархия Мессии...*).

новка на то, чтобы контролировать и структурировать все, что входит в сферу его мысли и воображения. Он склонен все делать управляемым, и единое стадо во главе с одним пастырем для него не просто идеал – но и психологическая потребность. И, коль скоро весь земной шар, весь род людской стали актуальным предметом его мысли и воображения, пастырем должен был оказаться он сам³⁷.

К тому, чтобы весь мир стал для Кампанеллы таким предметом, вело еще следующее обстоятельство. Кампанелла был подданным испанского короля, чьи владения объединяли два земных полушария – Старый Свет и Новый. Его отношение к испанской монархии колебалось от мятежа до попытки поставить ее во главе объединенного человечества. Его происпанский трактат «Об испанской монархии» был написан в тюрьме и, как сочли многие, лишь для того, чтобы вырваться на свободу. Так оно, конечно, и было, но есть один существенный нюанс. Кампанелла утверждал, что работал над сочинением еще до того, как был арестован, и его утверждения относительно недавно получили веское подкрепление. Джермана Эрнст внимательно исследовала дошедший до нас более краткий вариант «Испанской монархии» и пришла к убедительному выводу, что эта версия на несколько лет предшествует заговору³⁸. Понять молодого автора не трудно: он искал роли, достойной его ученой и даровитости, и если религиозные власти раз за разом награждали его тюрьмой, то можно было обратиться к власти светской. Приняв на себя роль советника испанского короля – советника, способного привести все земли и страны под начало испанской монархии, – Кампанелла и сформировал привычку включать весь мир в сферу приложения своего интеллекта и воображения.

Стать наставником короля не получилось, и в итоге вышел конфликт между честолюбивыми притязаниями, которые зиждились на успехах в самой престижной сфере интеллектуальной деятельности (руководство людьми на основе знания вещей природных и божественных), и репрессивной по отношению к вольнодумцу действительностью. Разрешения противоречия путем использования обычных социальных лестниц не состоялось; оставались экстраординарные пути. Кампанелла верит в звезды и числа не потому, что ему скучно и он не

37 Это свойство личности Кампанеллы, некогда названное мной установкой на диригентность, было подробно рассмотрено в обширной статье «Личность, вбирающая в себя мир», вошедшей в машинописный сборник, преподнесенный А.И. Зайцеву к 25-летию его преподавательской деятельности (1985). До некоторой степени в сходном направлении шла мысль Паоло Тревеса, который отмечал «могущественный эгоцентризм» Кампанеллы и ставил заговор в Калабрии в прямую зависимость от «жажды действия», овладевшей Кампанеллой, и его расчета «занять руководящий пост» (TREVES P. *La filosofia politica di Tommaso Campanella*. Bari, 1930. P. 16–19).

38 CAMPANELLA T. *La Monarchia di Spagna. Prima stesura giovanile*. Napoli, 1989.

знает, на что еще направить свой ум и знания, а потому, что астрология и нумерология выступают последней опорой для его честолюбивых надежд, эти дисциплины дают единственное выглядящее разумным и обоснованным упование на перемену личных и общественных обстоятельств. Они согласно указывают и на предначертанное лично Кампанелле значение (его феноменальный гороскоп), и на грядущее всеобщее обновление в году под номером 7 + 9. И почему бы не думать, что эти два обетования связаны между собой? Перед нами далеко зашедшее *wishful thinking*, но не сумасшествие.

Умопомешательство есть форма социальной дезадаптации³⁹. В системе конвенций, действенных в историко-культурной ситуации Италии конца XVI века, почувствовать и объявить себя мессией не было чем-то абсолютно ненормальным при наличии для подобного притязания особых обоснований, а Кампанелла мог их предъявить. Самопрезентация в качестве грядущего монарха мира в эти конвенции, по идее, не вписывалась, но в особом случае с Кампанеллой, имевшим право претендовать на то, чтобы слыть мессией, и являвшимся обладателем совершенно исключительного гороскопа, это оказывалось пограничным случаем.

Остается еще один тонкий вопрос: должны ли мы представлять дело так, что в астрологии и числах Кампанелла лишь ищет и находит оправдание собственному порыву произвести революцию или же скорее его вера в астрологию и числа (подкрепленная разнообразной ученостью) и навела его на мысль о революции?

Редко в какую эпоху головы мыслящих людей были столь заняты небесными явлениями, как в последней четверти XVI века. Книга Коперника (1543), появление сверхновой в созвездии Кассиопеи (ноябрь 1572-го), работы Тихо Браге взбудоражили умы: космология Аристотеля, принятая блюстителями священных истин, рушилась. Сторонники гелиоцентрической гипотезы подкрепляли ее авторитетом пифагорейской школы, допускавшей, что Земля не занимает центр Вселенной, но является одной из планет. Пифагорейские же традиции придавали дополнительный вес нумерологическим спекуляциям (а для Кампанеллы пифагорейцы, чья школа некогда процветала в южной Италии, были еще и компатриотами). Как и обычно в эпохи разломов (религиозный раскол здесь был еще важнее работ Коперника), такая форма интереса к небесным явлениям, как астрология, процветала. Ею занимался, к примеру, человек, ко-

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО

БЕЗУМИЕ ИЛИ
РЕВОЛЮЦИЯ?..

39 Соответственно, феномен психического расстройства имеет, помимо прочего, историко-культурное измерение. Вдаваться здесь в эту проблематику мы не можем и не должны, но все же обратим внимание читателя на недавнюю книгу Лии Гринфельд: GREENFELD L. *Mind, Modernity, Madness. The Impact of Culture on Human Experience*. Cambridge, Mass.; London, 2013.

торому суждено было сделать одно из самых важных открытий в истории астрономии, – Иоганн Кеплер. Жаждающий знаний молодой Кампанелла не раз встречал на своем пути искушенных истолкователей гороскопов и небесных знамений. На него произвел сильное впечатление эпизод, произошедший в его бытность в Падуе, в 1593 году. Немецкий астролог Валентин Набод распознал по звездам нависшую над ним опасность. Он заперся у себя в доме, сделав вид, что ушел. Там он и был убит грабителями, которые влезли в дом, решив, что в нем никого нет⁴⁰. Можно сказать, что Кампанелле было труднее отринуть астрологию и нумерологию, нежели погрузиться в них.

И вот что достойно внимания. Обращение к раннему варианту «Испанской монархии» показывает, что тема грядущего великого обновления, обусловленного соединением чисел семь и девять, там уже есть. Кампанелла говорит как бы мимоходом, но четко и ясно: христианская монархия прекратит свое существование в 1600 году⁴¹. Текст датируют 1595-м или даже 1594 годом⁴², что на четыре–пять лет раньше заговора в Калабрии. Похоже, без идей, витавших в воздухе, без особой атмосферы конца века выступление Кампанеллы попросту не состоялось бы. Он не угодил бы в самую страшную из своих тюрем и скорее всего не написал бы своей знаменитой утопии, в которой представил картину идеального государства, расположенного на острове в Индийском океане, на экваторе, – Город Солнца, граждане которого убеждены в том, что со временем все человечество станет жить так, как живут они⁴³.

40 ERNST G. *Op. cit.* P. 30.

41 «L'Imperio Cristiano che più de gli altri s'osserva, sta sul numero 1600, ch'è composto del settimo e nono centinario de numeri fatali d'ogni monarchia, come scrive Pitagora e Platone...» (CAMPANELLA T. *La Monarchia di Spagna...* P. 23 s.). Где Платон или Пифагор (то есть автор, приписывающий соответствующее суждение Пифагору) пишут о том, что седьмое и девятое столетие – или же попросту семерка и девятка – являются «фатальными числами для всякой монархии» – мне не известно. Сознательная ли это фикция или самообман – судить не решусь. Джермана Эрнст отсылает читателя к: Plat. Resp. VIII, 546 b и Porph. Vit. Pyth. 31, но там утверждений, соответствующих словам Кампанеллы, нет.

42 CAMPANELLA T. *La Monarchia di Spagna...* P. 11.

43 Почему при этом граждане Города Солнца всегда передвигаются отрядами и никогда поодиночке, всегда имея над собой начальника и подчиняясь ему без малейшего недовольствия, – это я объяснил еще в пору пребывания у власти генеральных секретарей ЦК КПСС (тогда было интересно разбираться в такого рода вопросах). См.: Панченко Д.В. *Ямбул и Кампанелла (О некоторых механизмах утопического творчества) // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 98–110.*